

Когнитивные аспекты негации в языке

Познавая реальный мир, человеческое сознание не просто отражает его, но и категоризирует посредством языка. Таким образом, язык представляет собой структурно-организованную классификацию человеческого опыта, отражает диалектику объективной действительности. Многообразие отношений бытия (утверждение, отрицание, количество, качество, время, пространство, объект и т.д.) отражается в сознании человека в виде понятийных категорий, которые, находя свое отражение во всех языках, имеют универсальный характер. Одной из таких универсальных понятийных категорий является категория отрицания. Однако системно-структурные особенности конкретного языка определяют своеобразие подобного отражения и обуславливают определенные различия между диалектически однородными формально-логическими и лингвистическими категориями.

В формальной логике отрицание, являясь одной из фундаментальных категорий, представляет собой суждение, противоположное утверждению по своему качеству. Утвердительная или отрицательная определенность мысли может пониматься двояко – как ее абсолютное или относительное свойство. При понимании качества суждения как абсолютной характеристики отрицание и утверждение составляют две полярные, взаимоисключающие противоположности. Разграничение этих противоположных понятий как правило осуществляется в терминах истинности и ложности. Отрицание считается вторичным по отношению к утверждению и существует для того, чтобы опровергнуть существующее или подразумеваемое суждение.

В лингвистике вопросы связанные проблемой определения природы негации, выявления роли и способов выражения также являются одними из центральных. В отечественном и зарубежном языкознании имеется немало работ, исследующих эту многоаспектную категорию в руслах различных лингвистических течений. Весомый вклад в изучение общих проблем понятия отрицания внесли труды Э.И. Айзенштадт, Н.А. Булах, В.Н. Бондаренко, Е.И. Шендельс, Л.П. Шипулиной и др. Семантику отрицательного предложения и его глубинную структуру исследуют в своих трудах А.Т. Амиров, С.А. Васильева, Е.В. Падучева. Область формально-грамматических средств выражения отрицания и его место в предложении тщательно рассматривали Э.И. Айзенштадт, Е. Кржижкова, М.Н. Орлова.

И.В. Андреева, Э.И. Айзенштадт, М.Н. Сметанина посвятили свои

работы изучению стилистических особенностей и экспрессивности отрицания. В последние годы особый интерес вызвала проблема взаимоотношений отрицания с явлением пресуппозиции, а также проблема просодического выражения отрицательных высказываний. В этом направлении, на наш взгляд, наиболее значительными являются исследования Л.Ф. Бердник, Л.Г. Батурской, Г.М. Левитовой, М.В. Давыдова, И.М. Кобозевой, Т.И. Голиковой.

В зарубежной лингвистике неоспоримы заслуги и приоритет датского ученого О. Есперсена, чья работа «Негация в английском и других языках» [1] стала хрестоматийной для многих поколений лингвистов. В литературе современного периода основное внимание уделяется когнитивному анализу категории отрицания, то есть рассматриваются случаи, в которых отрицательный компонент глубинной структуры высказывания проявляется в формально-грамматических показателях поверхностной структуры. Одной из наиболее известных публикаций является проводимая в рамках трансформационной грамматики работа Клайма, которая представляет собой описание и анализ некоторых основных свойств отрицания в английском языке, в частности, его понятийного аспекта. А также широко известны в кругу лингвистов, занимающихся негацией, работы Циммера, Джекендоффа, Ластника, Хорна, в которых с различных точек зрения рассматриваются многие аспекты категории отрицания и проводится его типологическое исследование.

Одной из распространенных концепций отрицания в современной зарубежной лингвистике является его отнесение к прагматической или понятийно-функциональной категории. Согласно этой идее, негация в речи представляет особый речевой акт, отличный от соответствующего утвердительного. Наиболее интересным в данной сфере является исследование Т. Гивона (2). В данной работе автор утверждает, что фундаментальное отличие отрицательных речевых актов от соответствующих им утвердительных определяется наличием пресуппозиционной маркированности первых. Английский ученый неоднократно отмечает пресуппозиционную маркированность негации в дискурсе и полагает, что прагматические пресуппозиции влияют на лексико-грамматическое выражение отрицательных высказываний накладывая ограничения как на лингвистический, так и на экстралингвистический контексты. Помимо этого пресуппозиционная отмеченность проявляется в так называемой «психологической осложненности» негативных речевых актов. Например, на создание отрицательного высказывания обычно затрачивается больше времени, чем составление соответствующего ему утвердительного. Данное положение на практике получило подтверждение

в работах лингвистов Кларка и Осгуда. В результате проведенного ими эксперимента ученые пришли к выводу, что процесс освоения детьми негативных членов антонимической пары происходит позже и сложнее, чем позитивных, а это говорит не только о синтаксической и психологической сложности, но и о когнитивных трудностях формирования негативных высказываний. Важной, на наш взгляд, идеей, выдвинутой в работах Т. Гивона, является обусловленность негации в дискурсе пресуппозиционной маркированностью, а также рассмотрение прагматической функции отрицания как коррекции мнения собеседника.

Одним из спорных вопросов, касающихся статуса негации в языке, является отождествление ее с модальностью или предикативностью. Модальная природа отрицательных речевых актов отстаивается А. Вежбицкой в ее теории «семантических примитивов». Отрицание интерпретируется в качестве какого-то субъективно-волевого «модального примитива». Автор сопоставляет категорию отрицания с идеей желательности: «Я бы предложила рассматривать понятие отрицания как соотносимое, в конечном счете, с понятием желания (the concept of will). “S is not P” фактически означает более или менее близкое к “Я не хочу утверждать, что “S is P”» [3: 211].

Понимание отрицания как субъективной оценки смысла высказывания или нереальности существования определенного положения вещей в действительности позволило некоторым ученым отнести его к числу модальных значений. Так, В. Г. Адмони [4] в своих работах высказывает мысль о том, что утверждение и отрицание представляют определенные формы модальности. Автор понимает утверждение как выражение реальности, а отрицание соответственно связывает с представлением нереальности отражаемых в речевом акте явлений и связей реальной действительности. Большинство лингвистов склонны полагать, что данный взгляд на проблему негации в языке не представляется убедительным, поскольку «как положительные, так и отрицательные предложения в равной степени отражают факты объективной действительности» [3: 89].

Специфика английской грамматики, заключающаяся в том, что для образования отрицательных предложений в настоящем и прошедшем временах большинство глаголов требуют использование специального вспомогательного глагола «do» (прошедшая форма «did»), что дает возможность ряду языковедов заявить о некоей модальной категории отрицательности. Так, А.А. Шахматов [5] видел смысл употребления вспомогательного глагола для образования отрицательной формы в том, что отрицание здесь окрашено субъективностью. Н.А. Слюсарева считает,

что «модальный характер отрицания, как основывающийся на интенции говорящего, способствовал оформлению особого средства в английском языке» [6, 60]. Данное положение является спорным, поскольку, во-первых, данный вспомогательный глагол является средством выражения отрицания не во всех временных формах глаголов. Во-вторых, как отмечает Б. А. Ильиш, «отрицательные формы существуют в любом наклонении: сравните, например, *does not take*, *do not take (!)* (imperative). В силу того, что отрицание сопоставимо с различными наклонениями, оно не может само быть наклонением. Другими словами, если оппозиция *takes-take(!)* представляет оппозицию наклонения, то оппозиция *takes-does not take* не может быть таковой. Это отношение должно базироваться на какой-то другой категории, чье конкретное проявление находится в утвердительности и отрицательности. ... Возможно, мы можем определить ее как “качество”» [7: 132].

Неправомерной представляется нам и определение негации как некой формы предикативности, так как предикативность есть отнесение смысла речевого акта к действительности независимо от его утвердительной или отрицательной формы. Так, например, некоторые классы предложений (например, назывные) не могут быть иметь отрицательную форму, но всегда являются предикативными.

Таким образом, отрицание, модальность и предикативность являются самостоятельными категориями языка, но в процессе его функционирования они могут тесно соприкасаться или иногда совпадать по форме выражения, что способствует трудности их разграничения в высказывании.

В оппозиции «утверждение – отрицание» негация занимает особое положение. Наиболее ярко маркированность отрицания проявляется в прагматических пресуппозициях. Например, с точки зрения прагматики дискурса такие высказывания, как «*When you don't come, I'll help you*» являются абсурдными.

Одной из главных прагматических функций негативного высказывания в дискурсе является неприятие или изменение мнения участника речевого акта. В речевом акте отрицательные высказывания отличаются от соответствующих им утвердительных своим особым статусом. Если роль утвердительных высказываний в речи сводится главным образом к сообщению новой информации, основываясь на неосведомленности собеседника, то функция негативных высказываний, служит в основном для коррекции, опровержения или отклонения ложного или неверного, по мнению говорящего, суждения адресата, основываясь на его предполагаемом заблуждении или неведении. Говорящий употребляет отрица-

тельные высказывания только тогда, когда он знает или предполагает, что его основная информация (предмет разговора) уже известна собеседнику и создает тот фон, те общие знания, по отношению к которому отрицательное высказывание может быть использовано как уместное. Несомненный интерес в данном вопросе, на наш взгляд, представляет точка зрения Т. Гивона [2]. Ученый утверждает, что основное различие между утвердительными и отрицательными высказываниями в дискурсе составляет пресуппозиционная отмеченность негативных предложений. Прагматические пресуппозиции, которые на глубинном уровне обуславливают маркированность негации, на поверхностном уровне имеют выражения в виде ограничений как на лингвистический, так и на экстралингвистический контексты. «Отмеченность негативов» подтверждается также и их «психологической осложненностью».

Однако большинство лингвистов рассматривает негацию как самостоятельную языковую категорию и считает ее синтаксической категорией, как по содержанию, так и по грамматическому оформлению. Иногда она определяется как лексико-грамматическая. Поскольку отрицание в языке может выражаться не только грамматически и лексически, но и фонетически, а также оформляться как эксплицитно, так и имплицитно, есть основание рассматривать ее как самостоятельную функционально-семантическую категорию, представляющую компонент понятия (суждения, мысли) в языковой форме выражения (синтаксической, лексической, фонетической).

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что в процессе функционирования языка негация может тесно соприкасаться и взаимодействовать с категориями модальности и предикативности. Отрицание служит маркированным членом оппозиции – утверждение: отрицание. Данная маркированность обусловлена онтологически и психологически. В речи маркированность отрицательных высказываний больше всего проявляется в прагматических пресуппозициях. Одной из основных прагматических функций отрицательного высказывания в речи является отклонение или коррекция мнения участника коммуникации.

Библиографический список

1. Jespersen O. Negation in English and Other Languages. Книга по требованию, 2010. 160 p.
2. Givon T. Negation // Syntax: A Functional-Typological Introduction. Amsterdam, 1989. Vol. 1. P. 322-354.
3. Вежбицка Л. Семантические примитивы // Семиотика; под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С.137-150.
4. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. СПб., 1998. 336 с.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 620 с.

6. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986. 215 с.
7. Pyish B. The Structure of Modern English Language. M.,1965. 378 p.